

Он вырывается из скафандра, разрывает бронированную ткань, вырывает провода, которые поддерживают его, счастливее умереть, чем вернуться к этой жизни.

От этого сна он часто просыпался, корчась, запутавшись в простынях и утопая в потном ужасе, адреналин пробегал по его конечностям, а крик сдавливал горло.

Он всегда будил Падме с этим кошмаром, и она всегда успокаивала его, убеждая, что все, что ему снилось, было ненастоящим. Он никогда не мог сказать ей точно, что ему снилось, только то, что тьма овладела им, Сидиус овладел им, ситхи снова овладели им. Если это пугало ее, она скрывала это, только говоря, что этого никогда не случится. Никогда, когда она убирала волосы с его лица и баюкала его на руках, как ребенка.... как будто он все еще был тем маленьким мальчиком с Татуина, а не ее мужем. Быть таким должно было бы позорить его, но этого не произошло, потому что это была Падме, она была жива, и она была сильнее всех, кого он когда-либо знал.

Иногда он задавался вопросом, почему она терпит это: когда ее толкают, она просыпается, теряет сон из-за его ночных кошмаров. Но он был рад, что она была там, что она не решила спать в другой кровати, в другой комнате. Она никогда даже не предлагала ничего подобного, и он тоже; он был слишком эгоистичен, чтобы притворяться, что она ему не нужна.

Эти сны были просто кошмарами, какими бы ужасными они ни были. Воспоминания из другого времени, темная сторона, отказывающаяся вытащить свои когти из его сердца, обвинилась вокруг его легких, извиваясь в грудной клетке, пока он не подумал, что снова не сможет дышать. Они были ненастоящими, он понял это, когда проснулся. Но внутри сна, внутри скафандра, он чувствовал такое отчаяние. Как будто ему приснилась вся эта другая жизнь. Как будто ему снилась Падме живой, близнецы, его простая механическая жизнь, глупый старый Бен с нежной улыбкой для детей.

Во втором сне он бежал, бежал, всегда бежал.

Он бежит по улицам подземного мира Корусканта, полосы неона в его видении; он бежит между валунами, выстилающими Каньон Нищего, песчаная буря преследует его по пятам; он бежит по цветущим травам зеленых полей Набу, в его сердце нет смеха, только страх; он бежит по коридорам Храма джедаев, и он пуст.

Он бежит по плавающим парашютам шахты на Мустафаре.

Ужас в черном плаще и маслянистой ночной темной маске преследует его повсюду, преодолевая время и пространство, преследуя его по звездам. Он держится на шаг впереди, пока не доберется до Мустафара. Там он ловит его каждый раз. Он разрезан и поглощен пламенем, и именно тень нависает над ним, держа в руках лезвие, сделанное из лавы, которое направлено ему в сердце.

- Ты слаб," рычит чудовище. - Я уничтожу тебя."

Он всегда просыпался раньше, чем это удавалось. И хотя он не всегда будил Падме и почему-то не чувствовал такого страха, как в первом сне, он прокручивал его в голове и обнаруживал, что это беспокоит его больше.

Было ли это воспоминанием, страхом, что его прежняя личность вернется и поглотит его, как когда-то тьма?

Или Палпатин—Сидиус—нашел ему замену, которая убьет его? (Вырубить его, как когда-то Оби-Ван?) Неужели даже сейчас за ним охотится другой мужчина в его старом костюме?

Сила пыталась предупредить его, что его мягкая жизнь на Осаллао сделала его слабым, легкой мишенью для ситхов?

Но последний сон был самым страшным.

Все начинается с внезапного ужаса, когда множество голосов кричат в страхе, прежде чем замолчать навсегда.

Он всегда в центре всего этого, стоит один в темноте и слушает. Пытаюсь услышать, что говорят голоса. Они разговаривают с ним... шепот... а потом они издают пронзительный пронзительный вопль, и он ошеломлен этим звуком. В его сознании взрывается сверхновая...

И тут он видит это, худшую сцену в его личном театре судьбы: Люк и Лея, искаженные болью, наэлектризованные синим пламенем.

Но в ту ночь, после того как он заснул с Падме на руках, ему приснилось что-то новое.

Все начинается как сон близнецов, но на этот раз что-то другое.

<http://tl.rulate.ru/book/23863/1442800>